

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ 41-й

№ 37 (4219) 10 СЕНТЯБРЯ 1969 г. СРЕДА. Цена 15 коп.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

НАРОДНОЙ БОЛГАРИИ—25 ЛЕТ

Писана Л. МЕХАНДИНЕВА (Народная Республика Болгария)

СОЮЗ БОЛГАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

СОФИЯ

Дорогие друзья! В день знаменательной даты — 25-летия социалистической революции в Болгарии советские писатели шлют вам сердечные поздравления. За двадцать пять лет болгарская литература прошла большой и славный путь, который отмечен прекрасными завоеваниями.

Во всем богатстве, многообразии и художественной силе она стала не только достоянием трудящихся своей родины, но приобрела признание за рубежом. Особой популярностью пользуются ее произведения в нашей стране. Мы приветствуем в вашем лице ее творцов, наших верных друзей и единомышленников, с которыми мы шли, идем и будем идти в общем строю деятелей социалистической литературы. Желаем вам дальнейших творческих успехов в работе над книгами, отображающими кипучую действительность сегодняшней Болгарии.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ВОТ ОНА — НОВАЯ БОЛГАРИЯ

- В 30 раз увеличился объем промышленной продукции НРБ с 1939 по 1968 год.
- 857 кооперативов и 205 госхозов, мощных современных хозяйств, объединили 1 100 тысяч крестьянских дворов за годы народной власти.
- Около 4 тысяч научных проблем разрабатывается в болгарских научно-исследовательских институтах в нынешнем году.
- Более чем в четыре раза возрос внутренний товарооборот страны по сравнению с 1956 годом.

Читайте в номере:

Первый секретарь ЦК БКП, председатель Совета Министров НРБ Тодор ЖИВКОВ — читателям «Литературной газеты».

«ЛГ» БЕРЕТ ИНТЕРВЬЮ: у писателя Георгия ДЖАГАРОВА, академика Ангела БОЛЕВСКИ, Героя Социалистического Труда Георгия ЦЕНКОВА.

стр. 2, 13

Вьетнамский народ и мировое коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение понесли тяжелую утрату: умер товарищ Хо Ши Мин. Светлой памяти его мы посвящаем статью на

стр. 14

Есть у человечества сыны, которые, выражая душу своего народа, становятся выразителями интернациональных чаяний всех народов, живя страстями своего времени, умеют заглянуть вперед, в даль грядущих столетий. Таким был великий украинец Иван Петрович Котляревский.

Своим живым, пытливым умом, своим добрым и чистым сердцем, своим неприятием всего злого он принадлежит и нашему времени. Он наш современник, хотя отделяют нас даже не годы, а два столетия.

Но разве может померкнуть смелая мысль, если она служит высоким идеалам! Сегодня, когда злобствующие силы империализма пытаются заслонить ясный день, как бесспорно звучат насмешливые строки Котляревского, который вершил свой суд над богатырями и крючкотворами, над теми, кто мучил и угнетал народ:

Панов, подпанков крепко сшили,
Не различая по чинам.
Досталось по заслугам в пенле
Всем, без разбора, старшинам.
Тут ратники и бургомистры,
Все те, что на расправу быстры,
Цехмейстеры, и писаря,
И судьи, и подсудки были,
Что денежки с людей пупили,
Свой суд неправедный творя.

Котляревский ярким реалистическим красками воссоздал картину жизни своего народа, поведал нам о талантливой и величавой его душе, показал нравственную чистоту его и благородство.

Все народы нашей социалистической Отчизны чтят сына украинской земли и в его янче чествуют народ, давший передовому человечеству Котляревского, Шевченко, Франко, Кедровского, Лесю Украинку, Тичину, Рыльского.

ГОРДОСТЬ И СЛАВА УКРАИНСКОГО НАРОДА

200 лет со дня
рождения

И. П. Котляревского

стр. 6

Литературная неделя

СЪЕЗДЫ ПЕРЕД ЮБИЛЕЕМ

НАЛЬЧИК. Много мудрых и талантливых сказителей родилось на земле Кабардино-Балкарии. Но письменная кабардино-балкарская литература, несмотря на древние свои корни, сформировалась лишь в тридцатые годы...

— Несколько дней назад мы провели свой VI съезд, — сказал председатель правления Союза писателей Кабардино-Балкарии Алим Кешов. — Этот съезд подтолкнул работу наших литераторов за последние годы. Десять съездов — достойная встреча 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Собранный был обсужден доклад «В. И. Ленин и литература Кабардино-Балкарии», избраны делегаты

на III Всероссийский съезд писателей.

Хочу сказать, что наша писательская организация недавно была награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской автономной республики. Звание народного поэта республики было присвоено Адаму Шогенцукову и Кериму Отавову. Многие кабардино-балкарские поэты и писатели участвовали в литературных конкурсах, посвященных 100-летию со дня рождения Владимира Ильича. Среди них — Хажбек Хажбеков, закончивший работу над книгой повестей и рассказов, Амирхан Шоматов — автор нового сборника стихов и другие.

САРАНСК. Мордовия до революции не имела не только своей литературы, но и своей письменности. Сегодня же многие мордовские литераторы известны всему Союзу.

О подготовке к столетию со дня рождения В. И. Ленина говорили писатели этой автономной республики на своем VII съезде... Делегаты, в частности, рассказали, что на редакторских столах местного издательства находится два подготовленных к печати сборника стихов, а также сборник очерков, посвященный юбилею. Эти книги выйдут на эрзянском и мокшанском языках.

На русском скоро будет издан сборник очерков и рассказов...

ЛЕНИНИАНА С. КРАСАУСКАСА

Новый цикл гравюр, созданный известным литовским графиком Стасисом Красаускасом, посвящен Владимиру Ильичу Ленину. Он отличается от предыдущих работ зрелым графическим языком, смелостью решения, неожиданностью композиций. Эти гравюры — иллюстрации к поэме В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

ВЫПУСКАЕТ ТУВА

С интересом следят тувинцы за новинками, которые выпускает местное книжное издательство.

В последнее время жители Тувы прочитали на своем родном языке «Красный дебри» Д. М. Фурманова и «Племя молодых» М. Ауэзова, а также произведения своих национальных литераторов. В «программе» издательства — «Арину» Л. Кышыбаева, роман о судьбе женщины-аэты, «Стремление» великой реки — повествование о людях республики, автором которого является тувинец М. Кенин-Лопсан.

О ПЕРЕВОДАХ ПОЭЗИИ И ПОЭЗИИ ПЕРЕВОДА

В преддверии третьего все-союзного совещания переводчиков, которое состоится осенью нынешнего года, «Литературная газета» обратилась к советским поэтам с двумя анкетами: «Как нас переводят?» и «Как мы переводим?». В предыдущих номерах были опубликованы ответы И. АБАЗИДЗЕ, З. ЗВЯГИНЦЕВОЙ, К. КУЛИЕВА, С. КУНЯЕВА, А. МЕЖИРОВА, А. САГИЯНА, Я. СМЕЛЯКОВА, С. ЭРАЛИЕВА. Сегодня на вопросы анкеты «ЛГ» отвечают И. ДРАЧ, А. КУЛЕШОВ, А. ТАРКОВСКИЙ, Я. ХЕЛЕСКИЯ.

ВОКРУГ ПИСЬМА * ВОКРУГ ПИСЬМА *

**«РЕБЕНОК У ТЕЛЕВИЗОРА:
ОПАСНО ЛИ ЭТО?»**

Читательница обосновала тем, что дети проводят все свободное время у экрана телевизора. Итальянский публицист Джузеппе Католино воспринимает это явление как трагическое и угрожающее. По его словам, речь может идти о своего рода «телемарксизме» у подростков. Звезда Шин, отвечая Католино, призывает к спокойному и разумному обсуждению проблемы. Нет, не рабы «голубого джинна», говорят советские писатели, наши дети — хозяева голубого экрана.

Под новой рубрикой «Вокруг письма» начнется дискуссия «Дети и телевидение».

стр. 11

стр. 5

«Мы гордимся тем, что СССР далеко обогнал США по числу и качеству подготовки дипломированных инженеров и что разрыв этот продолжает нарастать (в середине 50-х годов у нас было втрое больше студентов инженерных специальностей, чем в США, в начале 60-х годов — в 4—5 раз, а последнее время — уже в 6—7 раз больше). Но наше общество должно позаботиться и о наиболее правильном, разумном и эффективном использовании своих инженерных ресурсов».

«ИССЛЕДОВАНИЕ ДЛЯ «ЛГ» — под этой новой рубрикой мы предлагаем вниманию читателей сравнительный анализ проблем использования инженерного труда в СССР и США».

стр. 10

ПО СТРАНИЦАМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖУРНАЛОВ

стр. 4

Метаморфозы китайской действительности последних лет ошеломляют полным несоответствием теории и практики, лозунгов и действий, официально объявленных целей и реально достигнутых результатов. О превращениях жизни сегодняшнего Китая размышляют советские публицисты Ю. ОСТРОВИТЯНОВ и А. СЕРБАЛОВА.

стр. 15

ПИСАТЕЛЬСКИЕ КОНТАКТЫ. Встречи на монгольской земле. Семинар в Тампере. На вопросы корреспондентов «ЛГ» отвечают Константин Симонов и Аркадий Васильев.

стр. 14—15

Вадим КОЖЕВНИКОВ

ЧЕСТИТ ПРАЗНИК, ДРУГАРИ!

Тодор ЖИВКОВ —
читателям «ЛГ»

СЕРДЕЧНО приветствую инициативу «Литературной газеты» — посвятить специальную страницу 25-й годовщине победы социалистической революции в Болгарии. Для нас, болгар, это является еще одним проявлением советско-болгарской дружбы, проявлением братских чувств, которые испытывают к нам советские писатели — один из самых сильных отрядов мировой художественно-творческой коммунистической интеллигенции.

Вот уже 25 лет болгарский народ строит социалистическое общество. 25 лет наша интеллигенция отдает все свои силы борьбе за это великое дело — так же, как в течение десятилетий ее самые светлые умы неустанно и бескомпромиссно боролись за победу социалистического строя. За 25 лет мы достигли огромных, поистине исторических успехов в строительстве новой Болгарии, в ее экономике, ее культуре, в воспитании нового человека. Мы гордимся своими успехами и спокойно, уверенно смотрим в завтрашний день родины.

Как не раз мы подчеркивали, все наши успехи теснейшим образом связаны с братской дружбой и сотрудничеством между нашей страной и страной великого Ленина, между коммунистами Болгарии и Советского Союза, между нашими братскими народами. И как не раз было отмечено, советская литература, советское искусство играли и игра-

ют огромную, ничем не заменимую роль в борьбе нашего народа за победу социализма как в годы революционной борьбы, так и в течение минувших 25 лет социалистического переустройства жизни.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить нашу пламенную дружескую и братскую благодарность советским людям и особенно советским писателям, деятелям искусства, которые вдохновенно, со страстной коммунистической убежденностью и убедительностью отобразили героическую борьбу советского народа, создали в своем творчестве выразительные по своей силе образы пионеров человечества, подняли высоко факультет великих коммунистических идей.

Я высказываю на страницах «Литературной газеты» глубокое убеждение нашего народа в том, что советская литература, советское искусство, советская культура и в будущем будут светить людям, как бессмертное сердце Данко.

Т. Живков

НАРОДНОЙ БОЛГАРИИ — 25 ЛЕТ

ИНТЕРВЬЮ У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

РАССКАЗЫВАЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОЮЗА БОЛГАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ГЕОРГИЙ ДЖАГАРОВ

тим Евтимов, были близки к жизни, когда писали свои вдохновенные произведения. Я радуюсь, что по этому пути сейчас идет целая плеяда молодых и способных авторов — Матей Шопкин, Иван Николов и другие.

В драматургии наряду с пьесами Ордина Василева, Камена Зидарова, Лозана Стрелкова следует упомянуть и такие достижения, как «Камень в грязь» Г. Караслава, «Вера» Тодора Генова, «Каждый осенний вечер» Ивана Пейчева, «Розы для доктора Шомова» Драгомира Асенова, «От большой любви» Климентина Чачева, и многие другие.

«ЛГ»: Какие идеологические задачи решает сейчас Союз писателей болгарской литературы в целом?

«ЛГ»: Как вы уже говорили, интерес к болгарской художественной литературе в последнее время за рубежом сильно возрос. У нас просят книги для переводов самые различные издательства. И должен вам признаться: наш союз не всегда в состоянии полностью удовлетворить эти просьбы. Издательства ежегодно выпускают на книжный рынок обильную продукцию, но далеко не все, с нашей точки зрения, стоит издавать за рубежом.

Почему? В жизни страны еще существуют отрицательные явления, мы должны не только их видеть и отображать, но и бороться с ними. Тот автор, который не выступает против отрицательного в жизни, против всего того, что чуждо социализму и партийной политике, совершает роковую ошибку, погрязая в сочувствии. Но в это время ни что не может оправдать позиции писателя, который чернит себя и свою родину.

На истинный и прочный успех в литературе могут рассчитывать только те художники, которые обращаются к прогрессивным силам в жизни, к рабочему классу, к кооперированному крестьянству, к народной интеллигенции. Ритмы художественной литературы — это ритмы ритмов социалистического строительства.

Нашей современной литературе необходима масштабность художественного обобщения. Обыкновенное регистраторское описание фактов жизни — признак творческого бессилия. Открытие человеческих характеров, показ новых отношений между людьми, наши тревоги и надежды должны воспитывать читателей.

События минувшего года вновь подвергли проверке наши убеждения. И мы выдержали эту проверку, остались до конца верными коммунистическим идеалам. Те, кто вместе с народом, — быстро постигают исто-

тины. Различные самозванные философы пытаются нас убедить, что писатель должен открывать какие-то свои особые «истины». Нетрудно понять, какие именно «истины» они имеют в виду. Эти «истины» не что иное, как ложь и клевета на социалистический строй.

Все великие писатели у народа, в его прогрессивных силах черпали понимание о добре и зле и превращали в художественное духовное оружие. Вот почему партия говорит писателям, чтобы они были близки к жизни, к чувствам и настроениям трудящегося человека, а не занимались бесплодными умствованиями.

Те, кто добивается, чтобы болгарская литература оказалась в оппозиции, пусть знают, что она действительно в оппозиции — и импералистам и эксплуататорам, а народу безгранично предана.

Мы отвергаем претензии и тех, кто, ссылаясь на свой «сверхинтеллект», предназначает себе исключительную роль. На какой интеллект может претендовать тот, кто ставит себя над народом?

Подлинным интеллигентом в наше время можно считать того, кто понимает движущие силы истории, умеет проникнуть в сложность классовых отношений, связывает свое творчество с рабочим классом и его авангардом — коммунистической партией.

Мы празднуем 25-ю годовщину социалистической революции в Болгарии. Мы молоды и сильны духом, мы можем дать значительно больше по сравнению с тем, что дали до сих пор. Идеологический диверсиям империализма мы готовы дать достойный ответ. Но враги должны знать, что единство с партией — вопрос жизни и смерти литературы, вопрос убеждений, личной судьбы. Болгарская литература всегда с партией и народом. В этом — источник ее мощи и силы, залог будущих успехов.

Подобные претензии не более чем болезненное выражение манияльности. Исключительным интеллект обладателям Раковским, Ботевым, Вапцаровым, и именно поэтому они подчеркивали заслуги народа, его качества и его стремления.

Полным интеллигентом в наше время можно считать того, кто понимает движущие силы истории, умеет проникнуть в сложность классовых отношений, связывает свое творчество с рабочим классом и его авангардом — коммунистической партией.

Мы празднуем 25-ю годовщину социалистической революции в Болгарии. Мы молоды и сильны духом, мы можем дать значительно больше по сравнению с тем, что дали до сих пор. Идеологический диверсиям империализма мы готовы дать достойный ответ. Но враги должны знать, что единство с партией — вопрос жизни и смерти литературы, вопрос убеждений, личной судьбы. Болгарская литература всегда с партией и народом. В этом — источник ее мощи и силы, залог будущих успехов.

Подобные претензии не более чем болезненное выражение манияльности. Исключительным интеллект обладателям Раковским, Ботевым, Вапцаровым, и именно поэтому они подчеркивали заслуги народа, его качества и его стремления.

Полным интеллигентом в наше время можно считать того, кто понимает движущие силы истории, умеет проникнуть в сложность классовых отношений, связывает свое творчество с рабочим классом и его авангардом — коммунистической партией.

Мы празднуем 25-ю годовщину социалистической революции в Болгарии. Мы молоды и сильны духом, мы можем дать значительно больше по сравнению с тем, что дали до сих пор. Идеологический диверсиям империализма мы готовы дать достойный ответ. Но враги должны знать, что единство с партией — вопрос жизни и смерти литературы, вопрос убеждений, личной судьбы. Болгарская литература всегда с партией и народом. В этом — источник ее мощи и силы, залог будущих успехов.

Подобные претензии не более чем болезненное выражение манияльности. Исключительным интеллект обладателям Раковским, Ботевым, Вапцаровым, и именно поэтому они подчеркивали заслуги народа, его качества и его стремления.

Полным интеллигентом в наше время можно считать того, кто понимает движущие силы истории, умеет проникнуть в сложность классовых отношений, связывает свое творчество с рабочим классом и его авангардом — коммунистической партией.

Мы празднуем 25-ю годовщину социалистической революции в Болгарии. Мы молоды и сильны духом, мы можем дать значительно больше по сравнению с тем, что дали до сих пор. Идеологический диверсиям империализма мы готовы дать достойный ответ. Но враги должны знать, что единство с партией — вопрос жизни и смерти литературы, вопрос убеждений, личной судьбы. Болгарская литература всегда с партией и народом. В этом — источник ее мощи и силы, залог будущих успехов.

«ЛГ»: Товарищ президент! Мы рады, что наша встреча произошла именно здесь, в Институте металлургии, где болгарская наука решает проблемы, особенно актуальные для народного хозяйства страны.

Нам известно, что вы, товарищ президент, привлекаете к числу читателей нашей газеты. Поэтому хотелось бы узнать ваше мнение о вопросах, которые «ЛГ» традиционно освещает на своих страницах, — о целях науки в современном мире, о взаимоотношениях человека с природой и т. д.

Интересно отметить, что в первом уставе Болгарской академии наук существовала статья, которая так определяла одну из основных задач академии: «работать на пользу духовного подъема болгарского народа и указывать ему путь к вестественному обогащению». Заметьте, духовное и вестественное обогащение — как хорошо сказано! Именно в этом и заключается цель науки.

На протяжении всей истории развития общества человек боролся с грозными силами природы. Его

усилия были направлены на то, чтобы обрести возможно большую независимость от природы, сделать ее хозяйным положением. Я глубоко убежден в том, что борьба человека с природой в конце концов приведет к полной согласованности природы с глубокой сущностью человека.

Однако здесь имеется один очень важный вопрос. Вещь, бросившись в реку, мы стараемся плыть в нужном направлении, не позволяя воде отнести нас куда ей вздумается... А как обстоит дело с бурным потоком научно-технического прогресса? Мы знаем, что в прошлом не раз в результате изменения жизненной среды исчезали целые биологические виды. В наше время человек стремительными темпами изменяет свою физическую и духовную жизненную среду, что, естественно, угрожает самому человеку... Эту опасность учитывать. Человеческую деятельность следует направлять не только в сторону технического прогресса, что само по себе крайне необходимо, но и в

сторону сохранения человека.

В конечном счете, главное для нас — человек, гармонично развивающийся в обществе и в согласии с природой, и мы ни в коем случае не должны пренебрегать гуманитарными науками. Экономиче-

ская страна. Он первый болгарский металлург, удостоенный звания Героя Социалистического Труда.

— Вы хотите сказать, что значит для Болгарии Кремиковцы? Тогда слушайте... Со всем недавно, в начале XX века, Болгария возила даже подковы для крестьянского скота и цели для привязи собак... Перед второй мировой войной на душу населения приходилось немногим более полукилограмма металла в год. Пара скоростной и все... А сейчас? За годы народной власти эта цифра возросла в 300 раз! И во многом благодаря Кремиковцам...

ИНТЕРВЬЮ У ЭЛЕКТРОННОГО АНАЛИЗАТОРА

РАССКАЗЫВАЕТ ПРЕЗИДЕНТ БОЛГАРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК АНГЕЛ БОЛЕВСКИ

ское и так сказать, материальное развитие должно идти в ногу с духовным развитием.

«ЛГ»: Товарищ президент! В западной литературе, как вы знаете, всячески муссируется мысль об угрозах, которые будут быт для человечества столь бурное развитие научно-технического прогресса. Что вы думаете о реальности этих угроз?

— Необходимо отметить, что в буржуазном обществе, развивающемся стихийно, существует реальная опасность превращения науки и техники из слуг человека в его хозяев. Отсюда и вполне основательный страх перед владыкой науки...

И в этом отношении социализм демонстрирует все преимущества общества, которому принадлежит будущее. Ибо он может создать предпосылки, при которых все виды деятельности человека, включая и научную деятельность, были бы согласованы так, чтобы обеспечить подъем человечества, создание гармонично развитой творческой личности. В нашем обществе не существует объективных условий, которые могли бы привести ученого в области естественных или технических наук к конфликту с его совестью. Работа нашего ученого — это спокойная работа уверенного и правого человека, творческого на благо своего общества.

«ЛГ»: Не могли бы вы, товарищ президент, сейчас, в канун двадцатипятилетия республики, охарактеризовать путь, который прошла болгарская наука за годы народной власти?

— В скором времени мы будем праздновать 100-летие нашей академии наук.

Прежде всего — об общественности, при которой была она создана. Как известно, страна в течение почти 500 лет находилась под турецким игом. И вы можете себе представить, каким огромным духовным зарядом должен был обладать наш народ, если он сумел еще за несколько лет до освобождения на территории соседнего государства создать свою академию. Один канадский журналист писал в то время: «В этой забавленной турецкой провинции в каждом селе имеется школа, которую содержат на свои скромные средства сами крестьяне, и людей, умеющих читать и писать, здесь не меньше, чем во Франции и Англии».

В 1869 году в городе Браило соблались делегаты

от болгарских общин и создали так называемое «Болгарское книжное общество», которое с самого начала перенесло в Софию и официально переименовано в Болгарскую академию наук.

Но, конечно, подлинное развитие наша академия получила только после социалистической революции 1944 года. Исключительные заслуги в этом развитии принадлежат нынешнему почетному президенту БАН, известному болгарскому ученому академику Тодору Павлову. За 25 лет социалистической власти академия превратилась в мощное научное учреждение, в системе которого успешно работают 54 научно-исследовательских звена.

Я должен сказать, что потенциальные возможности Болгарской академии наук позволяют ей сейчас решать сложные комплексные научные проблемы.

Не хочу занимать ваше внимание подробным перечислением этих проблем. Назову лишь некоторые. Это — математическое моделирование процессов и систем в разных отраслях науки, комплексное использова-

ние водных ресурсов страны, создание многоотраслевой научной истории Болгарии, усовершенствование территориального распределения производственных сил и повышение их эффективности и многие другие. Мне кажется, что даже этот небольшой перечень дает представление о силе и размахе научных исследований в социалистической Болгарии.

Мы работаем в тесном сотрудничестве с академиями социалистических стран, и в первую очередь с Академией наук СССР. Мы поддерживаем также связи более чем с 40 научными учреждениями во всем мире.

Нашей академии, как и вообще всей болгарской науке, созданы прекрасные условия для работы. И мы стремимся — в соответствии с положением первого устава академии — «работать на пользу духовного подъема болгарского народа и указывать ему путь к вестественному обогащению». Мы выполняем свой долг с отчетливым сознанием, что являемся научными работниками именно социалистической страны, строящей новое общество.

Один из них — Георгий Ценов. Вместе с первыми болгарскими мартовцами специализировался в Днепропетровске. Потом его снова направили в СССР — в «Запорожсталь», где он освоил работу на большой электропечи. Как видно, опыт друзей не пропал даром...

— Ваши личные планы, Георгий?

— Борис! Иди сюда. Какое у нас дело! Улыбаясь, Георгий подхватывает невысокого худощавого мужчину в спецовке. Знакомимся. Советский специалист Борис Владимирович Барвинский, друг Георгия Ценова. Недавно вышла его книга «Сталевые дружки с наукой», где он рассказывает о новом изобретении на Новошахтинском заводе, делится опытом...

Скоро пустим вторую печь, а в перспективе и третью, — говорит Барвинский.

Кажется, речь шла о личных планах Ценова? Он вместе с женой Гиней живет в квартале, который называется «Сахарная фабрика». У старшего сына Иордана появился наследник, его в честь деда назвали Георгием. Младший сын — в армии, когда вернется, надо будет решать, что де-

лать — работать или учиться. Понадобится еще квартира. Это, конечно, все — немаловажные заботы, но личная жизнь Георгия Ценова включает в себя заботы иного свойства.

— Вот недавно в Кремиковцы приехал наш министр Георгий Павлов, — продолжает Ценов, — говорил, что Болгарии нужно больше легированных сталей, мы сказали министру, что дадим эту сталь. Теперь неудобно его подводить. Мы ведь с министерством старые знакомые. Я вам говорил, что до революции работал в подпольной молодежной организации так вот — руководил ею Георгий Павлов...

Георгий Ценова зовут и электропечи. Она требует его присутствия.

Интервью окончено. Большая трудовая доля Георгия Ценова продолжается... Это, наверное, настоящее счастье, когда так переплетаются судьбы страны и человека...

Интервью провели специально корреспонденты «ЛГ» В. ГОРБУНОВ, М. ТРАХМАН

ИНТЕРВЬЮ У 100-ТОННОЙ ЭЛЕКТРОПЕЧИ

РАССКАЗЫВАЕТ ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА ГЕОРГИЙ ЦЕНОВ

хозяйство... Техник и ученики, которые готовят кадры...

Ценов не поэт, он имеет дело с раскаленным металлом, с бьющим пламенем. Речь его проста и лаконична. Но когда говоришь о таком свершении человеческого духа, как Кремиковцы, хочется поэзии. Мы находим ее не в книжках стихов, хотя и не посвящая комбинату немало. Мы находим их в кремиковской летописи.

«Тому, кто пройдет теперь по аллеям комбината, окаймленным розами и цветущими кустарниками, трудно себе представить, что было здесь раньше... Все, что поражает теперь своими масштабами и внушительным видом, укладывалось — панель за панелью. Выливался бетон непрерывным потоком. Растла кладка — кирпич за кирпичом. И ни строгий историк, ни восторженный художник или писатель не смогут отразить огромный труд чело-

века во всем его многообразии и величии.

Это проза? А может быть, стихи? «Строитель закончил дело и передал другому плод своего труда. Этот час, эта минута вознаграждают его за бессонные ночи, за человеческое напряжение. Улыбка озаряет его усталые глаза... Это тоже из летописи.

Георгий Ценов — человек, который принял из рук строителей 100-тонную электропечь. Кто он? Что привело его сюда, в Кремиковцы?

— Я родился в деревне Голяма Раконя. Мой отец — коммунист с 1923 года. За участие в подпольной революционной организации крестьян был заключен в тюрьму города Сливница и приговорен к смертной казни. По ходатайству жителей села казнь была заменена пожизненным заключением...

Кремиковцы... Это слово упоминали в разговоре с нами и писатель Георгий Джагаров, и академик Ангел Болевски... И многие, многие другие.

— Этот человек работал в Кремиковцах...

— Вы читали стихотворение о Кремиковцах?

— Вы еще не были в Кремиковцах? Ну, конечно же, там надо обязательно побывать. И наше третье интервью мы решили взять в Кремиковцах...

«Стара земля у подножия Балканских гор, бедна глинистая красноватая земля. Монастырь, сверкающий на солнце среди зеленого леса, бережет образцы высокого искусства неизвестных мастеров иконописцев. Нет, не монастырем славятся эти края...

В годы второй мировой войны здесь действовали партизаны и их помощники из бригады «Чавдар». Теперь в селах Кремиковцы и Богучице можно увидеть памятники погибшим героям. По лучшим памятникам им — кремиковский металлургический комбинат, «стальной очаг Болгарии».

Здесь, на комбинате, возле одной из электропечей, мы взяли интервью у Георгия Ценова, человека, которого знает

Стихи И. Эзедониса даны
переводом В. Андреева,
Ждановой, В. Нельского,
Филиппова, И. Чеснокова.

Литография В. ЧЕБАНЬА

...слава
Сонцем засіяла.
Не вмире кобзар, бо навики
Його привітала.
Будеш, батьку, панувати,
Поки живуть люди;
Поки сонце з ноба сє,
Тебе не забудуть!

Тарас ШЕВЧЕНКО

Олесь ГОНЧАР

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛТАВЕЦ

Один из самых любимых писателей нашего народа Иван Петрович Котляревский и сегодня с нами своим творчеством, близким становится он всей многонациональной семье народов нашей социалистической Отчизны, все больше друзей находит он во всех странах мира. В наш космический век вглядываясь мы в этот отдаленный от нас образ бессмертного полтавца, и не перестаешь удивлять нас жизненность его творений, их неуявляемая утренняя свежесть. Сквозь века слышен нам смех Котляревского, и его грусть, и его мудрый задушевный совет. Это ли не бессмертие?

То, что мы называем народностью, было органично присуще Котляревскому, и, видимо, именно здесь секрет долготы его произведений, тайна их удивительной жизнеспособности.

В свое время передовая русская общественность благожелательно встретила самолюбное слово Котляревского, и это о многом нам говорит. Он стоит у истоков дружбы наших братских культур — и этим особенно нам дорог. Многие родились Котляревского с его великим земляком, который относился к автору «Энеиды» с глубоким почтением, — я имею в виду Николая Васильевича Гоголя. Родились не только происхождение, обстоятельство личной жизни и этот врожденный блистательный юмор, в котором просвечивает неповторимый национальный характер: еще больше роднит их сыновья любви к народу, его поэзии, его героической истории, обостренное чувство патристической гордости. Тот, кто создал образ отважного казака Энея, и тот, кто воспел Тараса Бульбу, — оба они в толковании понятий долга и чести всегда находят общий язык. И если жизнь их предков посвящена была походам, боевому товариществу, сабле, то они, рыцари искусства, с такой же рыцарской верностью вместо сабли посвятили себя творчеству, которое полностью вообрело личную жизнь одного и другого. Конечно, каждый из них неповторим, развивались они — Котляревский и Гоголь — каждый своим путем, и все же нельзя не заметить, что образы «Энеиды» и, скажем, «Вечеров на хуторе» навеяны общими преданиями, есть нечто общее в переключении на мотивы, интонациях, яркости красок, в свободной размахистости письма.

Несомненно, опыт Котляревского, его смелая интерпретация античной литературы произвели впечатление на молодого Гоголя, в записной книжке которого находим более двадцати выписок из «Энеиды»; некоторые из них он потом использует в качестве эпиграфов к отдельным главам «Сорочинской ярмарки». Но главное даже не в этом. Отношение к родине, к народу, его обычаям, восприятие здоровых нравственных устоев народной жизни — вот что больше всего роднит Котляревского с его великим соратником, придает образам «Энеиды» и ранним повестям Гоголя явственно ощутимую внутреннюю созвучность.

Патриот, человек долга, Котляревский в молодости не раз оказывался в самой пучине страстей своего времени. Мы видим его участником штурма турецких крепостей, видял потом шагающим по улицам Дрездена после того, как он с энтузиазмом сформировал из числа своих земляков казачий полк для борьбы с наполеоновским нашествием; Котляревский — равный в кругу просвещенных, демократически настроенных людей своего времени, и этот образ молодого храброго офицера, веселыча, нашедшего человека передовых взглядов, близкого по духу декабристам, их республиканским идеалам, нам следует запомнить, чтобы в патристическом типе его полтавских предков не затерялся реальный облик автора «Энеиды» и «Наталки Полтавки».

То, о чем Шевченко потом скажет в полный голос, со всей беспощадностью поэта-революционера, Котляревский лишь затрагивает при случае, хотя, судя по картине ада в «Энеиде», вряд ли можно сомневаться, на чьей стороне был симпатии писателя, близкого к народу, человека просветительских демократических убеждений. Насаживание крепостничества, разгул бюрократии, ее самодурство, продажность — все это было ему отвратительно, и недаром Эней, путешествуя в аду, среди первых грешников видит притеснителей народа.

Поэма Котляревского при всей непринужденной легкости не была любительской забавой, но был сознательный

труд писателя-гуманиста, неравнодушного к судьбам родной культуры. Уже само обращение к живой народной речи — в тех конкретно исторических условиях — было актом гражданского мужества, явлением исключительного прогрессивного. За шутливо-озорным тоном поэмы современники верно угадывали ее серьезное назначение. Именно так была прочитана она декабристами, журналистами, «Сорочинскими просветителями и благотворителями» назвал ее произведение, «преисполненным остроумия и оригинальностью». В этой искрящейся солью, кипевшей земными страстями «перелицованной» «Энеиде», в которой, кстати сказать, от Вергилия, кроме фабулы, ничего не осталось, была не только полемика с сухостью классицизма, с аскетическими литературными самоограничениями: еще больше здесь было от самой жизни, которая насыщена вся тьма поэмы, весь юмор ее и элемент развлекательной сатиры. Это была победа художественного реализма в литературе, в которой поэт впервые узаконил живую, сочную народную речь, полнокровный народный образ.

«Энеида» — творение поистине удивительное: сплав реализма с фантастикой, подробнейшее бытование народа с возможным полетом воображения, начало фольклорное и книжное — все это, органически слившись, дало новое поэтическое качество. Перед нами не просто шуточный перевод античного сюжета, а нечто более сложное, оригинальное и притягательное, своей художественной необходимостью заставляющее вспомнить и Рабле, и Свифта.

Так бурлескно-трагическая поэма стала поэмой народной, истинно классическим произведением — случай, как замечает известный шведский ученый А. Бекк, возможно, единственный в мировой литературе, ибо «Энеида» Котляревского поистине превзошла все произведения этого типа в европейской литературе. Она светит не отраженным, а своим собственным светом.

Поэма Котляревского широко известна не только в Украине. Третье издание вышло на русский язык. В 1955 году «Энеида» вышла на чешском языке. Совсем недавно поэма Котляревского прозвучала для белорусских читателей на их родном языке в переводе замечательного поэта Акадия Кудасова.

Все любящие Котляревского гордятся тем, что «Энеида» на украинском языке, изданная в Киеве в 1919 году, была в личной библиотеке В. И. Ленина.

В «Наталке Полтавке» — одной из самых любимых песен украинского народа, выросшей на почве украинского фольклора — впервые на сцену вышли вместо лубочных поселен живые народные типы, между честными тружениками появляется уже и образ первого кривонога-буржуа, каковым является Волыный, в персонаже-поселе, в каждом из жите, слове и диалоге отражена реальная жизнь. Блещущий умом юмор автора, его личностная теплота, искренность, естественность интонаций придали драматургии Котляревского такую жизненность, которая не угасла до сих пор.

Вот уже 150 лет не сходит со сцены эта бессмертная «Наталка», поныне она чарует нас своей первозданностью, свежестью, красотой чувства. Миллионы людей, встречаясь с образами Котляревского, получают эстетическое наслаждение. Давшая начало нашему национальному театру, ставшая его утренней зарей, «Наталка Полтавка» явилась отличной школой для великих мастеров сцены. В пьесах Котляревского выступали такие блестящие мастера, как Мария Заньковецкая, Саксаганский, Кропивницкий, а в наше время — Оксана Петрусенко, Иван Козловский, и мы уверены, что еще не одно поколение будет с восхищением слушать арии Наталки и Петра.

Иван Петрович Котляревский всегда будет дорог Украине. Ведь именно в те годы, когда, по выражению академика А. И. Белецкого, паром поставил вопрос: быть или не быть украинской культуре, украинскому слову, Котляревский своим творчеством ответил: быть! Огромная заслуга Котляревского заключается в том, что своим творчеством он указал самый плодотворный путь развития украинской литературы как литературы демократической, кровно связанной с жизнью родного народа, с его думами и чаяниями. Историческое значение, действительность этого благородного примера трудно переоценить.

Редкостный успех выпал на долю книги, изданной в 1798 году в Петербурге. Она называлась тогда «Энеида на малороссийский язык перелицованная И. П. Котляревским». В течение более ста семидесяти лет книга эта находилась в руках новых и новых читателей и почитателей.

Украинская «Энеида» родилась не на пустом месте. Появление ее было теснейшим образом связано с предшествующим развитием украинской литературы и фольклора. Автор же ее — Иван Петрович Котляревский — стал провозвестником совершенно нового в украинской литературе направления.

Родился Котляревский 9 сентября 1789 года в Полтаве в семье бедного дворянина. Дед поэта был диаконом, отец — канцеляристом магистрата. Учился Котляревский в семинарии, которые тогда еще не назывались духовными. Преподавателями ее были преимущественно воспитанники Киево-Могилянской академии. При всей схоластической системе преподавания семинария давала гуманитарное образование — знание языков, литературы. Изучали, в частности, римских классиков, среди них — Вергилия, перелагали их на русский язык. В классе пиитики широко применялись практические упражнения на латинском и русском языках — в жанрах торжественных од, похвальных. В упражнениях этих особо отличался Котляревский.

Семинарию он, однако, не закончил, хотя считался одним из лучших учеников и был даже назван среди кандидатов на перевод в Александров-Невскую академию в Петербурге. Некоторое время Котляревский был в Полтаве чиновником Новороссийской канцелярии, а затем учителем в помещичьих школах. Здесь он получил широкую возможность изучать народный быт, внимательно наблюдать за жизнью крестьянства. На основании более позднего письма его к Н. Гнедичу можно определить, что именно в это время он начал писать «Энеиду».

В 1796 году Котляревский поступает на военную службу, во время войны с Турцией 1806—1807 годов принимает участие в боевых действиях. В 1808 году выходит в отставку в чине капитана. И все эти годы он продолжает работать над произведением, которому будет суждено обрести мировую славу.

Первое издание поэмы, состоявшее из трех ее частей, в 1798 году было осуществлено без ведома автора. На титульном листе напечатано: «Изданием М. Парфурье». В 1808 году в Петербурге появилось второе издание «Энеиды» (как ее назвали тогда), также без согласия поэта. Самолюбие Котляревского было ущемлено, и он предпринимает в Петербурге в 1809 году, наконец, первое авторское издание под новым названием: «Вергилиева Энеида на малороссийский язык перелицованная И. П. Котляревским». Добавив четвертую, вновь написанную часть, исправляет ошибки, вкравшиеся в первоначальный список.

Для издания книги в те времена требовалось большое количество денег, поэтому Котляревский был вынужден обратиться к своим друзьям и знакомым. И сам Котляревский, начавший «Энеиду» 1809 года с помощью полтавского мецената Ф. Ючуба, в течение последующих тридцати лет безуспешно ищет нового издателя и находит его лишь незадолго до смерти.

Сегодня перед нами, по-прежнему, оглядывающим жизнь этого человека, талант которого блеснул яркими искрами и остался бессмертным, вырывается из забытия благородный облик просветителя, гуманиста, гражданина. Судьба столетия Котляревского со многими интереснейшими людьми его времени, приближая к самым передовым умом, настроениям, дала счастливую возможность обнару-

Евгений КИРИЛЮК, член-корреспондент АН УССР

ПЕРВЫЙ КЛАССИК НОВОЙ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

жить его общественные чувства и симпатии. Так, во время Отечественной войны 1812 года он энергично принялся формировать пятый конный казачий полк и преуспел в короткий срок в этом патристическом деле.

Есть все основания говорить о близости Котляревского к декабристам. В 1818 году писатель выступил в масочную ложу «Любовь и истина», основанную в Полтаве декабристом М. Н. Новиковым. В «Алфавите декабристов», составленном следственной комиссией, имя Новикова довольно часто фигурирует, хотя сам он умер за несколько лет до восстания на Сенатской площади. Во время следствия М. Муравьев-Апостол показал, что масонская ложа в Полтаве была основана с целью привлечения новых членов в тайное общество, а П. Пестель добавил, что М. Новиков первый высказал мысль об установлении республиканского правления в России и составил проект конституции. Полтавская ложа «Любовь и истина» просуществовала недолго, ибо была по распоряжению царского правительства закрыта. В «Алфавите декабристов» упоминается и фамилия Котляревского, дружившего с М. Новиковым. Не без его участия Котляревский в 1821 году был избран почетным членом «Вольного общества любителей российской словесности» в Петербурге. В этот период руководила роль в обществе принадлежала декабристам: председателем был Ф. Глинка, большое влияние имели Бестужевы, К. Рылев.

Ранее, когда Котляревский возглавлял в Полтаве вновь организованный театр, его судьба скрестилась с судьбой молодого талантливого актера Михаила Щепкина, в выкупе которого из крепостной неволи он принимал участие. Их совместная работа была на полна творческой радостью. Специально для этого театра, в репертуар которого входили наиболее интересные пьесы русских драматургов-современников, а также Мольера и Шеридана, Котляревский написал «Наталку Полтавку» и «Солдат-чародея». Сочные образы пана Воанго и чумака Михаила Чулура созданы были в них специально для Щепкина. Великий актер уже после отъезда с Украины с большим успехом исполнял эти роли, выступая в Москве, гастролируя в Петербурге, Нижнем Новгороде... Котляревский отличался чувствительностью и, по свидетельству, например, брата М. Щепкина, нередко вносил поправки в некоторые пьесы, «придумывая новые разговоры или выражения, которые вполне заменяли те неудобные места, особенно в стихах».

Не менее славная страница биографии Котляревского связана с деятельностью совсем иного рода — он служил надзирателем дома воспитания бедных, попечительствовал местные богоугодные заведения — больницу, богадельню, воспитательный приют, с искренней гуманностью и чистосердечием помогал несчастному, обездоленному человеку.

В 1835 году Котляревский прерывает свою служебную деятельность, уходит в отставку, посвятив последние годы жизни подготовке к печати своих произведений.

После смерти писателя молодой Тарас Шевченко в элгии «На вечную память

Котляревскому», выражая скорбь украинского народа, произнес пророческие слова о бессмертии автора «Энеиды».

В свое время вокруг Котляревского и его «Энеиды» шли споры: сознательно или же стихийно пришел он к созданию этого сатирического бурлеска, остроумного, блестящего юмором и живой мыслью, самобытного произведения, пронизанного демократическими настроениями. Жизнь показала, сколь бесплодны были споры. История возложила эту миссию на Котляревского, и он великолепно ее выполнил.

«Вергилиева Энеида», как сам Котляревский назвал свою поэму, отнюдь не была подражанием великой античной предтечи или русской трагедии. «Вергилиеву Энеиду, вывороченную наизусть», начал, которой положил Н. Осипов и продолжил А. Котляревский. Украинский поэт заимствует фабулу Осипова — Котляревского, но это никоим образом не уменьшает роли Котляревского. Как поэт он формировался в атмосфере прогрессивной общественной мысли и литературы, в основе сатирических жанров — журналов Новикова, а позже Крылова, произведений Фоминина, Каписта, Княжнина, что, несомненно, сказалось на самобытности, оригинальности его подхода к своему будущему детищу.

Творчески используя известные ситуации, Котляревский создал подлинную энциклопедию украинского быта конца XVIII — начала XIX столетия, создал самостоятельное, вполне оригинальное произведение. Но не только бытовая, этнографическая сторона ценна в поэме. Один из первых критиков «Энеиды» Орест Соколов отметил, что Котляревский в своей поэме изобразил «вместо троянца, нафаганного и латиня земных своих малороссов с их домашним бытом, обычаями и пословицами».

Мы понимаем всю общность «Энеиды» творениями бурлеско-трагического жанра. Но в то же время и состоит новаторство Котляревского, что и в этих рамках он создал живые, яркие образы раннего украинского реализма, с такой массой правдивых и точных деталей, которые в общей мозаичности картины прекрасно воссоздают национальный характер украинского народа.

В «Энеиде» Котляревского преобладает юмор, юмор специфический, с крепким украинским перцем, нередкое перерастающее в сатиру. В образах богов и богинь мы не раз узнаем земных небожителей. Особенно значителен элемент сатиры в картинах ада и «рая» (правда, автор не употребляет этого слова). Критика нравов, морально-этических поступков часто получает весьма определенный социальный адрес:

Панов за то и мордовали,
И прилежали в свой черед,
Что людям льготы
На них смотрели,
На давали,
Пам за то дрова возили,
В ботлах омет носили,
Носили на растопку в ад,
Их черти сзади подгоняли,
Калашники пруты
Шпыняли,
Кто отставал — был сам не рад!

(Перевел В. ПОТАПОВА)

Этот социальный адрес явственно ошутим и в по-

следней, шестой части поэмы:

Мумия правды очн колет,
А пансия — как пан изволят!

Стилистика «Энеиды» восходит к предшествующей украинской поэзии, непосредственно связана с рождественскими и пасхальными виршами, интермедиями и литературными играми. Поэма поэты значительно шире и богаче. В основе своей — это украинская национальная, преимущественно разговорно-бытовая крестьянская лексика с элементарными фольклорно-песенного языка, оригинальными фразеологизмами, бурсацкого жаргона. Новаторским был и силлабо-тонический стих Котляревского, строфы с правильным чередованием рифм, четырехстопный ямб.

Новаторство присуще и драматургии Котляревского. Автор «Наталки Полтавки» пошел значительно дальше своих предшественников в правдивом изображении народной жизни, народных характеров. Ив. Карпенко-Карый назвал «Наталку Полтавку» «прематерью украинского народного театра». Десятки лет пьеса была образцом, по которому создавались новые, оригинальные произведения, не исключая из этого числа и «Назара Стодола» Тараса Шевченко.

Произведения Котляревского отличаются истинной народностью. Правда, в силу определенных исторических причин он в своем мировоззрении и творчестве не мог подняться выше идей просветительского гуманизма; Шевченко, выражающий надежды и чаяния крепостного крестьянства, пошел гораздо дальше автора «Энеиды». Но важно, что в произведениях Котляревского всегда побеждали светлый разум, чистое сердце, оптимизм, жизнеутверждающий народный юмор.

Создатель «Энеиды» и «Наталки Полтавки» был признан еще при жизни. Он был свидетелем того, как его примеру последовали многие творцы новой украинской литературы: П. Гулак-Артемовский, Г. Квитка-Основанченко, Е. Гребенка.

Традиции Котляревского высоко ценили Панаас Мирный и И. Оранко, Лесь Украинка и М. Коцюбинский. Среди русских писателей у него было немало почитателей, в том числе В. Корolenko, автор интересной статьи «Котляревский и Мазепа». М. Горький мечтал о новом издании Котляревского. Обращаясь к украинским писателям, он советовал создать «такой веселый бурлеск, как, скажем, «Энеида», и вписать в нем наших врагов».

Великий Октябрь сделал творческое наследие Котляревского достоянием широких народных масс. На его произведениях воспитываются новые и новые поколения. Переводы на русский язык И. Брагинина, К. Худенко, В. Потапова дают возможность познакомиться к этому наследию всем народам и народам Советского Союза.

200-летие со дня рождения первого классика новой украинской литературы торжественно и радостно отмечает украинский народ. Вместе с нами эту радость разделяют все народы нашей социалистической Родины, ибо радость одного брата — радость всей семьи. Мы гордимся тем, что весь мир отдает должное выдающемуся писателю, славному сыну украинского народа.

Иллюстрации заслуженного

деятеля искусств УССР

А. Базилевича

к юбилейному изданию

«Энеиды»

И. П. Котляревского.

Издательство «Дніпро»,

1969 год.

СЕМЬ ДНЕЙ В СЕНТЯБРЕ...

НА ОРБИТЕ

МИРОВОЙ ПЕЧАТИ

ФРГ: репортаж из города будущей Олимпиады

Андрей ЮЧЕВИЧ

Кlaus УЛЬРИХ

(ФРГ)

МЮНХЕН-69

Этот репортаж написан двумя авторами на их родных языках — польском и немецком. Оба они решили посетить город Олимпиады 1972 года, чтобы посмотреть, как там готовится и строится юности мира (печатается с сокращениями).

Мюнхен — столица Баварии, город, в котором 23 музея, 17 театров. Город, где состоятся ближайшие летние Олимпийские игры. Мюнхен — город, где ныне обособились десятки реваншистских организаций, где находится штаб радиостанции «Свободная Европа», город фашистских традиций, город, «близкий городу в марте 1933 года был

открыт первый концентрационный лагерь в Деху. Значит, где разместился организационный комитет Олимпиады, сверкает новизной — внутри и снаружи. В пресс-бюро фрейлейн фон Реден спешит заказать для нас кока-колу со льдом. Принимающий нас господин Грининг — сама любезность. Слова «восточный блок» впервые застревает у него в горле и успевают прообразоваться в «Восточную Европу».

У нас немало вопросов. Один из них — о десятинике, поставившем свою подпись под грамотой, которая была заложена в фундамент здания. Вся пресса старательно подчеркивала в те дни, что десятиник родом из Бреслау...

Господин Грининг не считает нужным отрицать, что это «оплошность», «Очевидно, работа какого-нибудь телеграфного агентства» — замечает он как бы между

• Немешкое название польского города Вроцлав.

прочим. Однако сотрудник «Экспресса» цитирует Людвиг Фиш знает, что возникла такая идея далеко не случайно: «В момент торжественной закладки к представителю прессы, стоявшим группой, подошел работник телеграфного агентства и громко объявил, что десятиник родом из Бреслау».

Следующий ступень «исследования» — в прохладной кабине самолета... на земле в Мюнхене-Исманинге, где с каждым днем все шире разгорается реваншистская выставка. Выставка находится в непосредственной близости от новой крупной автомагистрали Мюнхена. Вот и устроен здесь ресторанчик в самолете с разрушенным крылом, который обладает для туристов куда большей притягательной силой, чем самый пестрый рекламный плакат.

Обслуживает сама хозяйка, тут же пытающаяся угоризить нас приобрести акцию: тысячи марок за долю участия в выставке. «За десять лет вы утроите вложен-

ную сумму», — уверенно заявляет она.

Если за десять лет можно получить такую прибыль, то на реваншизме в Мюнхене делается неплохой бизнес.

Еще в Варшаве, на конгрессе Международного олимпийского комитета мы спросили мюнхенского обер-бургомистра Фогеля об этой выставке. Он ответил: «Но, господа, выставка находится не в самом Мюнхене. К тому же там демонстрируются памятные архитектуры. Даме Кремль».

Кремль мы здесь не нашли. Зато увидели «Кеннеди-Бергский» вокзал. Что это, тоже памятник архитектуры? К тому же посетитель, пришедший на выставку архитектуры, будет поражен знаменами, развешивающимися у входа: «Восточная Пруссия, Западная Пруссия, Данциг, Померания, Судетская область».

А число реваншистских организаций мы устанавливаем, что «союз», пресле-

дующих откровенно реваншистские цели, — 87. И все это — «зарегистрированные союзы».

Итак, «десятиник из Бреслау» возник, как нам объяснили, по личной инициативе какого-то журналиста. Выставка, как нас заверили, тоже частная инициатива. Реваншистские союзы, как нас пытаются убедить, также плод личной инициативы. До начала Олимпийских игр остается еще три года. Трудно даже представить себе, какой широкий простор для дальнейших аналогичных инициатив!

Перед музеем, устроенным бывшими узниками концентрационного лагеря Деху, — надпись на четырех языках: «Никогда больше».

Никогда больше не должен повториться фашизм. «Никогда больше!» — мы прочитали эту надпись вслух, каждый на своем языке. Смысл ее оставался неизменным.

• НЕЕС ДЕЙЧЛАНД (ФРГ)

Так расправляется западногерманская полиция с противниками неонацистской партии Адольфа фон Таддена.

XXX ВЕНЕЦИАНСКИЙ: наш специальный корреспондент сообщает

ФЕСТИВАЛЬ ЗАКОНЧИЛСЯ — ФЕСТИВАЛЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Два недели Венецианского фестиваля были смотром прежде всего молодых сил в мировом кинематографе. Большинство фильмов — это работы режиссеров, ставших известными недавно или впервые заявивших о себе. Однако демонстрировались также картины мастеров, имена которых уже давно и прочно вошли в историю кино. Они были показаны в последние дни фестиваля. И надо отметить, что, хотя у молодых были значительные работы, старики обеспечили нарастающий интерес к фестивальной программе.

Этот повышенный тонус фестиваля определился после того, как были показаны «Семь дней в Венеции» и «Отец» Шабера.

В день закрытия фестиваля демонстрировалась картина Сергея Юткевича «Сонет для последнего рассказа». Этот фильм о Чехове, выполненный в «чеховской» тональности, вызвал во Дворце кино самую большую овацию за все время фестиваля. Советского режиссера тепло поздравил и Федерико Феллини, новая работа которого была показана во Дворце кино накануне, в предпоследний день фестиваля.

«Сатирикон» Феллини, снятый по роману Петруния, рассказывает о любовных и плутовских похождениях

двух римских студентов, свободных от каких-либо ограничений, обязанности, чувства долга. Всякий раз они попадают в ситуацию, показывающую глубокое разложение римского общества, фасад которого, однако, еще весьма величествен и строг. Многоочисленным эротическим сценам придан в фильме изысканно-комический характер.

Говоря о главных героях картины — Энциопии и Ашхули, Феллини подчеркнул: «Хотя у них и нет ярко выраженного стремления утвердить какие-то новые принципы или до конца изменить и разрушить что-то, хотя они и живут настоящим днем, полностью расставшись с тем, — поступки этих молодых героев являются все-таки бунтом».

Фильм надо рассматривать как попытку Феллини, обратившись к роману Петруния, высказать свое отношение к нынешнему движению молодежи в буржуазном обществе.

Сейчас, когда фестиваль закончился, можно с большей уверенностью сказать, что поиски новых форм проведения международного киносмотра являются плодотворными. Потеряв значительную долю своей лавандности, торжественности, Венецианский фестиваль стал более деловым, располагающим к серьезным обсуждениям проблем современного киноискусства. К тому же новая дирекция фестиваля не ограничивает свою задачу проведения двухнедельной программы, а намерена показывать в Венецианском дворце кинокартины отдельных стран и отдельных режиссеров в течение всего года, привлекая к ним внимание критики и широкой публики.

ВЕНЕЦИЯ. (По телефону)

ИТАЛИЯ: за кулисами «операции Танасси»

ЧЕМ ПРОВИНИСЯ ПОСОЛ АККЛЕЙ?

Вскоре после того, как премьер нового однопартийного правительства Италии Мариано Румор объявил в парламенте свою программу, стало известно об отставке американского посла в Риме Гарднера Акклея. Католический еженедельник «Политика» сообщил, что речь идет не просто о плановой замене одного американского дипломата другим, а о срочном отзыве его на родину. Чем же провинился посол?

Отставка Акклея, сообщила «Политика», предшествовала серии закулисных маневров. Внешне все выглядело так, будто инициаторами этих маневров выступили правые социал-демократические лидеры. В действительности за ними стояли реакционные круги США.

Положение в Италии давно уже беспокоит ее американского партнера по НАТО. Каждый третий итальянский избиратель голосует за левые партии, иными

словами — за коренные социальные и экономические преобразования. Буржуазные правительства в последние годы не могут продержаться у власти в среднем более 8—10 месяцев.

Не удивительно, что США, заинтересованные в «атлантическом партнерстве» на Апеннинском полуострове, пытаются заставить жесткой политической линией, наступление на левые силы страны. В чем же вина Акклея, в свое время одного из ближайших помощников Джона Кеннеди? По свидетельству итальянской печати, Акклея, тревожа оценивая обстановку в стране, не поддержав правых социал-демократических лидеров, вызвавших по совету Вашингтона, раскол в правительстве, главный специалист американской военной разведки по горючим делам. Кстати, именно Уолтерсу приписывают подготовку и осуществление военного переворота в Бразилии в 1962 году. О чем беседовали эксперты по горючим делам, нетрудно догадаться...

Во всяком случае, развитие событий приобрело стремительный характер. Последовали визиты в США лидера итальянских республиканцев Ла Малья и социал-демократ Луписа. На подмостки вышел «цементный король» Пезенти и

христианский демократ Андреотти. Последний представляет крайне правое крыло демократической партии, выступающей за возврат к центристскому правительству. В 1964 году Андреотти был министром обороны Италии и также замешан в деле СИФАР.

Так завершились подготовительные операции Танасси. Возникло «дело Акклея», которое можно считать вторым этапом этой «операции». Третьим, видимо, должно было стать назначение послом США в Риме промышленного магната, финансирующего избирательную кампанию республиканской партии, Генри Сальватори.

Политическим лицом Сальватори можно считать по тому, что он поддерживал нынешнего губернатора Калифорнии Ригана, известного своими фашистскими взглядами. Маневры правых вызвали бурное негодование в Италии. Демократическая печать выступила с разоблачением прохвостских действий. Вашингтону пришлось дать на время «защитный щит», назначив новым послом США в Италии Грегорию А. Мартини.

Однако не исключено, что «операция Танасси» может иметь продолжение. Э. ПАНОВ, со-корр. АПН — специально для «Литературной газеты»

ЛЮДИ И ГОДЫ: памяти Нэн Бая

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

Сорок лет назад в шанхайском застенке Лунхуа по приказу Чан Кай-ши был казнен славный сын китайского народа, один из создателей КПК Пэн Бай. Он погиб в расцвете сил и таланта: в день казни ему не было и 33 лет.

Пэн Бай еще до учреждения ЦК КПК организовывал коммунистические группы на юге Китая. 9 сентября 1922 года в одном из сел Южного Ки-

тая Пэн Бай создает первую ячейку крестьянского союза из шести человек. Впоследствии в таких союзах участвовали многие миллионы крестьян по всему Китаю.

На съезде КПК в Ухани (1927 год) Пэн Бай избирается членом ЦК КПК. Вместе с другими коммунистическими руководителями он участвует в Наньчанском восстании и в создании регулярной Народно-освободительной армии Китая.

Позднее Пэн Бай был направлен на руководящую работу в шанхайский центр компартии. Он являлся секретарем ЦК КПК по крестьянскому вопросу и

занимался делами Центрального советского района провинции Цзянси. После VI съезда КПК в 1928 году, когда была подчёркнута необходимость усиления пролетарского руководства революцией, роль шанхайского центра становилась особенно важной. Пэн Бай избирается членом Политбюро ЦК КПК.

Здесь нельзя не сказать о том, что Мао Цзун-дун фантически боролся против решений VI съезда КПК и не считался с рекомендациями Коминтерна о руководстве революционной борьбой крестьянства со стороны промышленного

пролетариата и его партийных центров.

Гибель Пэн Бая была значительной потерей для китайской революции. Мао же, напротив, мог только радоваться тому, что из жизни ушел еще один «опасный соперник», не раз высказывавшийся за сближение с СССР и дружбу с Советской Россией. Вот почему апологеты Мао и сейчас замалчивают видную роль этого революционера.

Но подлинных героев народа, героев революции не умирают. Они навсегда остаются в памяти народной.

А. МАЛУХИН

КОЛОНКА ЗА КОЛОНКОЙ

«ОБНАЖЕННАЯ НЕЗНАКОМКА»

В этой книге, появившейся на прилавках книжных магазинов США, привлекало внимание не столько название («Обнаженная незнакомка»), сколько, изображающая «незнакомку», многообещающий рекламный текст. Продажи шли бойко — уже за первые недели разошлось 20 000 экземпляров. «Обнаженная» попала в список бестселлеров. И вдруг стало известно, что автор ее не до-мохозяйка Пенелопе Аш, а целый коллектив литераторов, решивших создать пародию на американские секс-бестселлеры, а заодно и поиздеваться над по-

бителями такого рода творчества.

Идея эта пришла к голо-ву журналиста Майклу Макгрейди, которого давно уже возмущал поток низкопробной макулатуры, наводнивший американский книжный рынок. Прочитав в 1966 году очередную опись — «шумевшую» «Долну кукол», — Макгрейди решил создать свой вариант. Напечатать сюжет — «помощница некоей Джиллиан Блейк, совершающей поочередно всех соседей, чтобы отомстить неверному мужу», — Макгрейди предложил группе друзей принять участие в написании книги. Условие: «главное внимание сосре-

точить на сексе» и «безжалостно бороться с хорошим стилем». 24 литератора, в том числе один лауреат премии Пулитцера, дали согласие. Спустя три недели роман из 15 глав был готов. Трудности возникли только из-за изысканий «добродетельности» некоторых глав (их пришлось переписать заново), а также неизбежной «несогласованности» ряда деталей (те герои называли то «марморно-белым», то «золотисто-смуглым»).

Книга, написанная самым вульгарным языком с применением штампов, без труда нашла издателя и читателей. Ее переводят на другие языки. Более двадцати издательств и режиссеров добиваются права на экранизацию.

Сообщение о том, что это розыгрыш, не только не вызвало разочарования читателей, но привлекло еще больший интерес к книге. Совершенно неожиданно вывели на этом деле и авторы пародии, получившие крупные гонорары. Сейчас они подумывают о создании «продолжения», «ШПИГЛЕ» (ФРГ)

ОРУЖИЕ НА ЧЕРДАКЕ

В Вене, в квартире, подвальной и на чердаке дома, где проживает 23-летний Фридрих И., был обнаружен крупный склад оружия (см. фото).

Найденные боеприпасы, как установило полиция, были похищены несколько лет назад в военных надрах Марии Терезии. Полиция отказалась назвать газете фамилию Фридриха И., а также сообщить, с какими целями он собирал оружие. Редакция, однако, удалось установить, что И. — приверженец неонацистской национал-демократической партии (по своим уставленным идеям и западногерманской НДП).

• ФОЛЬКСШТИММЕ (АВСТРИЯ)

КИТАЙ: в зеркале зарубежной прессы

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Иностранные корреспонденты сообщают о возрастающем сопротивлении маоистам в самых различных районах страны. Крупные контингенты войск специального назначения направляются в провинцию Шаньси, с которой прервана всякая связь. Вести о новых столкновениях поступают из «неуслышанной» провинции Юньнань. Бурлит Гуандун, где, по признанию гуандунской газеты «Наньфан жибао», влияние Лю Шао-чжи «отнюдь» не устранено. В Тибете противоборствующие группировки ведут кровопролитную вооружен-

ную борьбу, в которую то на одной, то на другой стороне вступают армейские части. И все это в Пекине называют «апоризмическими действиями горстки классовых врагов».

В Гонконге увеличивается поток беженцев из Китая. Корреспондент английской «Санди таймс» пишет по этому поводу: «Все беженцы одинаково объясняют, почему они решили покинуть свои дома в деревнях, порвать свои прочные родственные связи и подвергнуть жизнь опасности, направляясь в неизвестный Гонконг. Они перечисляют трудности, создаваемые системой регламентации, суровым нормированием продовольствия и одежды, указывают на увеличение доли при-сваиваемой государством

продукции коммуны, на усиление возмущения тиранией маоистской бюрократии».

Каково же оно, суровое наказание конкретные цифры. В провинции Гуандун, например, на одного человека по карточкам должно выдаваться 12 килограммов риса, 300 граммов мяса, 100 граммов растительного масла, 2 коробки спичек в месяц и 4,5 метра хлопчатобумажной ткани в год. Но бумажная норма «суровых» норм далеко не всегда отговаривается. В магазинах огромные очереди. Рис по карточкам зачастую заменяется просом, так как по талонам получить почти невозможно.

Японская «Асахи» отмечает рост недовольства наро-дом политикой группы Мао Цзун-дун. Среди молодого

жизни, пишет газета, открыто высказывается требование: «Хватит культурной революции, теперь нужно улучшить условия жизни». Вещь знаменательная — ведь именно молодежи была опорой маоизма в начале «культурной революции».

«В масштабах всей страны», — продолжает «Асахи», — в настоящее время проводится кампания по созданию запасов продовольствия. Крестьян заставляют силой сдавать продовольствие, что увеличивает их недовольство. В провинции Юньнань предпринимаются специальные меры, направленные против возможных поджогов и матажей. Одно-временно с заготовкой продовольствия создается система районной автарекии на

случай войны с Советским Союзом».

Американская «Нью-Йорк таймс» подробнее говорит о «районной автарекии»: «Пеккинские руководители делают новый акцент на движение за превращение коммуны в организацию, самодостаточно обеспечивающую себя всем необходимым, способные создавать собственные капитальные фонды и обеспечивать большую часть своих потребностей в медицинском обслуживании, образовании и в промышленных изделиях. Со времени недавних пограничных столкновений с СССР это движение в публичных заявлениях все чаще связывают с призывами «готовиться к войне».

Американский журнал «Ньюсуик» пишет: «Призывающие из Китая расска-зывают, что все промышленные предприятия в районе Пекина заново за-

маскированы и покрашены зелено-коричневой краской. Военские составы, идущие на север с людьми, оружием и машинами, стали обычным явлением на китайских железных дорогах. В юго-восточных провинциях Гуандун и Хунань мобилизованы и посланы на север и запад полки разведчиков. Цемент, кирпич и другие строительные материалы китайского производства больше не экспортируются через Гонконг, а, по всей вероятности, используются для строительства пограничных укреплений».

Факты свидетельствуют о том, что подготовка к войне и антикоммунистическая истерия, насаждаемая пеккинским режимом, призваны укрепить военно-бюрократическую диктатуру в Пекине и сломить сопротивление антимаоистов в стране.

25 августа все китайские газеты опубликовали со-

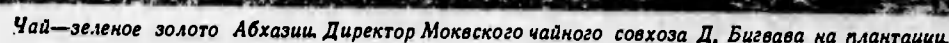
местную установочную статью «Жизнь и борьба», «Хунци» и «Цзефанцзюнь бао» о массовой критике. Под трескотню об «угрозе с Севера» маоистская пропаганда сулит жестокие репрессии всем противникам антинародного курса Мао Цзун-дуня.

Вот как комментирует эту статью корреспондент американского агентства Ассошиэйтед Пресс: «Пеккинское руководство, по-видимому, глубоко обеспокоено ростом волнений во многих провинциях, отдало распоряжение о проведении новых жестких мер для подавления оппозиции во центральной власти. Эта жесткая линия изложена в совместной редакционной статье трех основных пеккинских газет... Особенно поразителен мрачный и унылый тон этой редакционной статьи: никаких восхвалений по адресу бес-

прецедентного единства, никаких разговоров о достижении новых, еще больших успехов. Тон статьи пессимистический и отражает тревогу Пекина, вызванную ожесточенной борьбой центральных властей в Пекине против сопротивляющихся элементов в провинциях. Борьба за власть продолжается также в революционных комитетах, непосредственно управляющих провинциями».

В последние дни не утихают Пекина и других китайских городов опять появились большие шиты с девизом: «В них много притягивает: «вытащить» такого-то, «дойлой» такого-то. Все это, отмечают иностранные корреспонденты, очень напоминает обстановку в разгар «культурной револю-

Репортаж
наших специальных
корреспондентов
Б. Зернове
и Н. Львове
(фото)

Шахтеры Ткварчели. Через пять минут — смена.

Это очень легко — говорить о своей родной земле. Это так трудно — рассказать о ней все, что ты знаешь. Парадокс? Нет. Ибо знаешь ты так много, что не в твоих власти отобрать самое главное, самое важное, самое интересное. Знать все для тебя — самое главное: от ленивого года года прибыла на вечнозеленном побережье до снежных острополюсов — вершин гор, от темного-зеленого цвета листв в корзинке сбербанка чая до запаха угля, плавящего в вагонетках ползовой дороги над шахтерскими поселками. И Ткачевские. Я мог бы, конечно, ограничиться статистическими данными: Абхазская Автономная Советская Социалистическая Республика входила в состав Грузинской ССР, ее площадь — 8,7 тысячи квадратных километров. Население — абхазы, грузины, армяне, украинцы, русские и другие национальности. Ведущие отрасли сельского хозяйства — виноделие и табаководство. Но об этом можно провозгласить в энциклопедии, а я хочу рассказать об Абхазии, которую наш народ назвал Асны. Название это родилось не случайно. Немалую роль сыграл характер ее жителей — необычайное чувство любви, которое проявлялось в широко известном абхазском гостеприимстве: «Самая близость с собой в дом — самая близость, уходя, не забывай одно — твою крепкую, как гранит, дружба — так гласит древнее изречение.

В 1936 году, в день пятидесятилетия Советской Абхазии, когда республика была награждена орденом Ленина, газета «Правда» писала:

«К селой древности восходят корни родины нашего народа, и великан страданий отмечен его путь... Чья только мечта — увидеть цепь не сносив-

влияют на усвоимых племени
коробов. Но в то время
своей мес абхазский народ
неузнаваем: племия ненависти
и вражды.

В 1921 году животноводы
лучше засекрели над моею
многострадальной Абхазией
бесмертные идеи В. И. Ле-
нина, мудрость и торжество
ленинской национальной по-
литики. Незунаваемо преоб-
разилась Абхазия. И мне хо-
чется рассказать сегодня об
этой новой Абхазии.

Вот как она рассказало
селах республики. В старой
Абхазии застройка сел произ-
водилась хаотично, без плана,
старые дома разбросаны на
большой территории, далеко
друг от друга, я от чайных
плантаций. Многие колхоз-
ники не выдерживали: лет
15—20 назад из Члоу в
Ткварчели ушло около пяти-
десяти семей. И подобное яв-
ление было типично не толь-
ко в Члоу.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

(Мы приехали в Суху-
ми, когда там прохо-
дил сессия Президи-
ума Совета АССР.
Одним из вопросов, об-
суждавшихся депутата-
ми, был вопрос о по-
стройке нового дома
по дальнейшему благо-
устройству сел республи-
ки. В этот момент
днем рождения В. И. Лени-
на. Речь шла о реконст-
рукции сел, о расшире-
нии их, о строительстве
гаражных зданий, о по-
вышении благоустроенности,
о строительстве в селах
школ, детских садов,
клубов, жилых до-
мов, школ, детских са-
дов, клубов, жилых до-
мов — всего, без чего
не мыслится быт со-
ветского человека. Но
в этот день в Суху-
мских сел. Умсе существу-
ет генеральный план за-
стройки, утвержденный
для имени Н. Лакоба, се-
ла Члоу. Оценщиком этого
района. Умсе. Началось
обсуждение этого генераль-
ного плана. В центре ста-
туры на 600 мест, детско-
го сада, большого
здания своего центра,
побывавшая в Члоу на
роднике Баграша Шини-
на. Мы видели, что на
каштановый дом, где ро-
дился народный поэт Аб-
раме М. Мы видели, что
дом и те, которые толь-

но строятся, мы видели
желтые гусиные шеи
подъемных кранов, ши-
рокий силуэтный вполне
современный вид...) —

Богарт ШИНКУБА:
— А сейчас люди возвраща-
ются. Наши колхозы укрупня-
ются, становятся богаче.
Я вспоминаю сейчас строки
из моего стихотворения:

Но пройди хоть весь круг земной,
и в немыслимом отдалении
ты поймешь — нет дали
такой,
Где б не видел ты пред собой
Отчий край, родное

Зов родины, зов родной земли — тысяч бывших крестьян натаил в свои края. У нас в народе говорят: «Птица, сколько бы она ни летала в поле, а дохнуть не может на ветку, чтобы затаилась и вымостила птенцов». Может быть, поэтому потонуло меня на создание повести «Чанга приехал» — у старом абхазце, который возвращается из города в колхоз, в свою ветуюю хижину-апашку, где он родился. Возвращается, потому что душа его навсегда осталась в родном селе, а наш человек без той души — уже не сын Алсны. Я мог бы привести много примеров, когда молодой человек, уезжая из родины, не оставляет за собой блестящие перспективы в любой области — в науке, в искусстве, — все-таки возвращается к себе, в родные места. Скажем, Дмитрий Бигвава — директор Московского чайного совхоза. Он родился в селе Тхина — рядом с Моквой и Члоу, учился в Белорусской сельскохозяйственной академии, закончил аспирантуру при Всесоюзном институте растениеводства имени Н. И. Вавилова в Ленинграде, а затем в Ленинградском университете защитил диссертацию на степень кандидата сельскохозяйственных наук о чаевостое в Абхазии. Казалось бы, все дорожки открыты: продолжай учить

ся, работай в городе в научно-исследовательском институте, а там и до докторской — рукой подать. Но он вернулся домой, сначала был агрономом колхоза, потом стал председателем правления колхоза, а теперь возглавляет один из лучших наших чайных совхозов. Почему? Спросите сами...

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ

(Мы познакомились с Дмитрием Бигваа. Он невысокий и коренастый. Говорит резко и отрывисто, рублеными фразами:)

А что мне в городе делать? Я хочу сюда, здесь, вон за той горой. Километров десять будет. Ну очень интересно! Да ведь здесь — вся наука, откуда эзидит на нас. Пробуй, иди.

Длинные валы чайных мостов спускаются по склонам холмов. Сверху они кажутся зелеными сияниями, но вблизи — это войноемкие холмы, войноемные земли. Там находится чай, тот чай, который разноцветными

Сухумские мальчишки и девочки... Вчерашние десятиклассники... Завтра они — будущие врачи и учителя, чаеводы и виноделы, шахтеры и моряки.

пачинами-нубинами ляжет
потом на прилавки ма-
газин.

До магазинов ему
еще, ох, как далеко, —
говорит Бигвава. — Ты его
лучше сначала купи, а
затем попробуй. Сколько
выдержишь? Да не в хо-
лоде, а в тепле, а там
когда термометр плавится
от жары. И все руна-
ми сбавай. Иначе и хо-
лодкам не пройдет. Час
выдержишь — хороши!
А если люди, то восемь
часов работают, а
работают! До 150 кило-
граммов в смену на че-
ловека. При этом на по-
лах мы тонн на двести
план перекроим. Иначе
не совладаем с на-
счетом. Все на свои
деньги строим: школу,
больничку, двухэтажные
жильные дома. Сами
строим: молодежные брига-
ды создали. У нас мо-
лодые отличники.

Он прав: какой еще
может быть молодежь,
директор всего
тридцать шесть?

Биграв ШИНКУБА:

— Я вспоминаю ветеранов
колхозного строительства Аб-

хазин. Вот Владимир Лакоя — Герой Социалистического Труда, руководи- колхозом «Дуриш», а ныне ушел на заслуженный отдых. Недавно я видел его на плантации. «Я еще на посту», — пошутил он. Да, действительно, он — на посту: помогает людям знаниями, опытом.

Хочется сказать и о Чоколе Квачаши — знаменитом ку- курузоводе, Герое Социалистического Труда, лауреате Государственной премии СССР, о човеках и табачков- дах Герое Социалистического Труда Марии Алдеева, депута- те Верховного Совета Аб- хазской АССР Цаца Карава, депутате Верховного Совета СССР Севесте Агбга, таб- аководе Геворге Кремляне, о молодой девушке-чаводе Назбирло Хасая.

«Страна души» — страна поэтов. Село Кутол богато не

только чаем и табаком, но и людьми. Там родились и поются два талантливых поэта — Иуа Когониа и Алексей Ласуриа. В селе Кутол живут многие абхазские писатели, здесь родился Ивая Папаскири — крупнейший писатель, депутат, член Президиума Верховного Совета республики.

Теперь вам понятно, что значила «страна душой». Это прежде всего страна людей с честной и открытой душой. Вот возьмем рабочий класс, он сравнительно молодой, родился в Твэрчине. Это поколение родилось в 1920-е годы, около сорока тысяч жителей. Твэрчинецкие шахты дают на-гора более миллиона тонн конкумиющего угля в год. И хотя со дня официального основания города прошло уже более полувека, Твэрчинец вырос из своих шахтеров, которые про-шли путь от проходчиков до инженеров, начальников шахт, партийных работников. Первый секретарь Твэрчинецкой обкома партии Александр Шакая начинал горнорабочим.

чим. Николай Хунгута — местный шахтер — стал первым председателем горисполкома. Но даже тогда он не ушел из шахты: по воскресеньям работал в забое, и не просто работал, а участвовал в забойных работах, углубляясь в них. Да еще углублялся в шахту, да что в историю заглядывать: Юрий Шамба, проходчик шахты № 5, — ныне депутат Верховного Совета СССР; партгор шестой шахты Михаил Бигваев — Герой Социалистического Труда, студент Ленинградского политехнического института. И каждый из этих товарищей мальчишкой, глядя на них, мечтает стать шахтером. И поверьте мне: однажды надев шахтерскую робу и войдя в черный ствол шахты, он уже каждый день будет возвращаться в шахтерскую шахту, что уголь производит.

— пахаря, как небо — пилота, как море — моряка.
ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

(Мы видели, как Миша Бигвава держал на ладошках хрупкие куски угля, и мы хорошо понима-лись между пальцами. Ты, — посмотри на не-го, — говорил он, — вытисни это из щеки. Чу-ствуешь, как пахнет? Как хо-лод, свежий хлеб...)

И в этот раз он не вынул Тебе не понять, ты никогда не работал, в за-бав. А что случилось... Ты считаешь, что это, и для Юрия Шамба, и для тысячи других шахте-ров, — богатство? Ты счита-ешь, — подчас условно: пласт угля не превышает семидесяти — восьмидесяти сантиметров, а выработка не астанцы, а ко-пеек часов на воях с мирной миль платой в ра-боту — легкая.

Конечно, трудно, — го-ворит Бигвава и тут же сме-ется. Ты считаешь, что шахтер, которого после двенадцати лет работы в за-бав перевели на по-дземный, в шахту, — это шахтер. Через несколько месяцев он снова вер-нулся в забав.

Под землей он лучше себя чувствует, — смеется Бигвава, — и в шахте нище, и жарче не мукает.)

Взгляд ШИНКУБА:

— Я мог бы еще много рассказывать о нашей стране. Например, о курортах, о Пичуге, которая становится местом здравия. Черногорского побережья, о Сухуме, о котором я писал когда-то: «Как мне много город — всеслы, светящийся, свежий, и знакомое, теплое, лучшее из побережий!» Я мог бы еще много рассказывать о людях «страны души», но, говорят, лучше не рассказывать, а читать, раз уложить. И мне хочется закончить свой рассказ об Абхазии — «стране души» — строками из стихотворения народного поэта Абхазии Дмитрия Гуляка: «Спешу увидеть поскорей, хотя б на малый срок, счастливой родины

Человек и закон

КОЛЬЦО

Аркадий ВАКСБЕРГ

Из записок адвоката

Человска, который сидит на полу, и история — не звать стариком. Но только потому, что ему еще не шестидесяти. В его обилие вообще нет ничего старческого. Он даже элегантен: тщательно выглаженный костюм спортивного покрова хорошо сочетается с модной стрижкой густых серебристых волос, уложенные руки поглаживают только кончики пальмового дерева, распухшие от жары — он лежит, дрожа, у него на коленях, и мне все время кажется, что вот-вот шлепнется на пол...

Но удивительно пустой, ничего не выражающий взгляд у этого человека. И такой ровный, такой бесцветный голос, хотя раскисавшаяся история поистине страшная.

Его зовут Виталий Романович Болдышков, он врач, хирург, интересуется литературой, музыкой, искусством. Обожает Стендаля. Его суждения не банальны, за ними видна не ханжата, а мысль.

Он приехал поговорить, посоветоваться. Отнести душу. И если он все же не сможет по дороге ко мне оставить альбом — все же купит.

...Странно, даже не прискинув, сразу, после первого же удара.

— Странно, — говорит Болдышков, — меня всегда считали тщеславным. Я и сам так думал. А оказалось, что в определенных моменты рука обретает силу...

И я смотрю на его руки, Окончание. Начало а н о м е р е «ЛГ» от 3 сентября а

ухоженные, тонкие, и старое представить себе тогда было невозможно. Когда они обрели силу, чтобы убить человека. Не врага — товарища. Пусть счастливый соперник, но все же товарища.

Любовь слепа? Да, пожалуй. Неразделенная, она еще и зорка. Она видит то, что не заметно равнодушно-му взгляду. Она смотрит в глаза, в напряженное и ревниво. Для нас Лидя и Антон были просто приятелями. Для Виталия — влюбленными. Он заметил это. Как? Кто знает... Это и все. И понял, что это — серьезное. Он следил за каждым из шагам, ничем не выдавая себя. Зачем? Почему — зачем, он очень любил Лидю. Большие кизилы, ты же знаешь, это были большие кизилы. Sweet и чужой.

Его считали степенным. А он был просто скрытным. Никто не знал, как он страдает. Он научился прятать свои чувства за дежурной улыбкой, за молчанием, за упорством, с каким одолевал пугающие своей толщиной научные труды.

Что было ему делать? Уехать — и погастарить все забыть? Или «выяснить отношения» — в надежде, что его «неземная» любовь не останется без ответа? Трудно сказать, как он поступил бы, если бы не слишком преуспел в своей области, оказался, что Лидя до секретов два-три поколения.

Полкинина была учебной базой того института, где учился Виталий. Узнать секрет не составило труда.

Итак, скоро будет ре-

нок. Обычно, когда врач сообщал эту новость незамужней девчонке, были слезы, испуг. Но Лида не доводилось: через месяц или два — свадьба, так она сказала врачу.

Вот тогда и созрело решение. Оно казалось безумным, Виталий сам не верил, что исполнит его. «Убить, убить», — твердит он себе, но думалось, что это только слова — от бессилия и усталости. Лиде думалось: «А делалось другое: вечерами уходил он «на работу» — изучал путь Антона от читальни домой, присматривался, где меньше пешеходов, где раньше гаснут окна в домах. И еще — заранее учил на «дежурки» тяжелую мраморную — пепельницу, приоткрыв ее для поры до времени, между двумя тюфяками.

— Допустим, вам удалось бы скрыться, — говорил я Большакову. Мне тем легче это допустить, что я знаю определенно: ему удасться. — Но была ли гарантия, что Лида выйдет замуж за вас?

Опять я вижу пустые, остывшие от глаза, сидевшего как оживленные синхронизаторной усмешкой.

— Гарантии не было, был расчет: избавиться от ребенка уже поздно, а стать, как теперь выражаются, матерью-одиночкой — стыдно. Я знал нравы ее среды... В сущности, это было для меня единственный шанс. И он оказался чуждым.

Счастливыми? Как чудовищно звучит это слово в рассказе о кровавой истории, искалечившей не-

— Какое судей! И он сам, понимая это, вносит поправку.

— Не счастливым, конечно, просто — удачным... Иначе говоря, все вышло именно так, как я предполагал. Когда Антона не стало, я сказал Лиде, что он доверительно раскрыл мне их тайну, что я знаю все, что решительнее, чем ни, ничем не выдвигая своих чувств, предложил покрыть грех — жениться на ней и признать ребенка своим. Для нее это был тоже единственный шанс. Наверное, если бы я предстал перед ней влюбленным, который воспользовался ее нечастием, она бы отказалась...

— Вы, однако, отличный психолог, — заметил я.

— Пустяк... — Он улыбнулся застенчиво, совсем по-детски. — Свойство профессии: врач обязан быть психологом... Я знал, что он не любит меня, и не одобрял любви. Но когда-то она должна была бы быть того, и жизнь — взять свое. Так мы и жили; жена без любви, а муж — с любовью, которую приходилось скрывать. Но Лида была моей, это главное...

Оба они окончили институт, только Лиде работало в больнице, после старшей, Машеньки — тоже еще двое — сын и дочь. А Виталий бундэ делал «карьеру»: его слава хирурга перешагнула границы родного города, сотни людей стремились, чтобы он облегчал их недуги. И он обещал, получая в ответ слова благодарности, славолучные письма, подарки и цветы. Он действительно, был хороший хирург и хороший психолог. И еще о нем говорили, как об очень душевном, счастливым и мужественным человеком.

О мужественном — потому что однажды он спас жизнь не на операционном столе, а в жизни. Когда в больницу два хулигана напали на беззащитную женщину, и пытаясь ее ограбить, нанесли ей несколько тяжёлых ран. Доктор издала услышав

[illegible]

— Это было только — слегка почерневшая медина, выцветшая бирюза, однако, для того, чтобы показаться несведущей девочке золотом. И она надела его, это кольцо, шутики ради на школьный вечер.

— А директором школы был друг ее родителей, который в далекие годы их юности учился вместе с Антоном Лидой. Строгий педагог, терпеть не мог побрякушек, поэтому порой шлепал его ученики. И, заметив в Аленью кольцо, он подозвал ее — для внушения.

— Двадцать шесть лет не выветрились из его памяти воспоминания о перстне Антона. О перстне, который тогда искали и не нашли.

— Он отнес его прокурору в ту же ночь...

— Как же вы его оплодотворили? спрашиваю я Большакова — все предсудително, и вот, пожалуйста... Перстень то, что он вам сдавал?!

— Большаков молчит. Долго молчит.

— Там была карточка Лиды, — тихо ответил он наконец.

— Еще не было в памяти судейской психологии, а наблюдательные люди уже заметили, что убийцы не только жестоки, но и правды и сентиментальны. Перело мной сидел один из них — ничем вроде бы не примечательный экземпляр, многократно исследованный и описанный в специальной литературе. Но когда он запалал от умлиения, вспоминая, как, рискуя понасть, задержался возле своей бумажки-карточки, чтобы сорвать этот перстень, и как потом он пронес его через годы, как прятал от жены, от детей и знакомых, — честное слово, я почувствовал холодок за спиной...

— Конечно, это была чистая случайность — то, что Алена наткнулась на кольцо к тому директор школы узнал его. Но, как известно, истина неизбежно раскрывается, правда, в конце концов обязательно торжествует. На том стоит правосудие.

Итак, преступление рас-

крыто, и наступает пора решать, что сделать с преступником. Со времени убийства должно двадцать шесть лет. Формально это не помеха тому, чтобы убитую постигла кара: таков закон, существовавший и в то время. А ведь нужно же его карать — вопрос, на который не так-то легко ответить.

Ради чего, собственно судят и наказывают людей, нарушивших закон? Ведь единственное, к чему общество стремится — не отомстить, воздать за зло злом, а понести наказание, если соблюдать правила человеческого общежития, честным трудом своим искупить вину.

Но разве тюрьма — единственное место, где и управляют людьми, разве только за ее стенами можно достичь этой цели? Разве наше общество с его нравственным укладом, с его моралью воспитывала бы людей, не являясь возможностям не являясь благотворно на человека жестоко перед ним провинившегося, но не утратившего, однако, способности казнить самого себя и трезво оценивать свои поступки?

Ту цель, которую суд преследует своим приговором, общество не достигло: двадцать шесть лет оно незримо воспитывало Большакова. Трудом своим, ратными подвигами, четвертьвековой беспорочной жизнью он доказал, что исправление свершилось, и колония уже ничему научить его не может.

Да, но свершилось ли возмездие? Может ли смиренная совесть, если человек, случайно избежавший наказания, не будет наказан? Вправе ли мы допустить убийство, если убитца, наказав себя сам уединительной, дикой своей жизнью, вечным страхом перед разоблачением, за все эти годы не нашел в себе мужества принести людям повинную? И только ли Антон на его совести?

А Лидия, у которой он хладнокровно нянчил ребенка?

Как же быть с ним, с Виталием Большаковым?

Отступить с миром? Нет, невозможно. Наказаты? Но зачем? Ни день, ни год, ни десять лет тюрьмы реального смысла уже не имели, возмездия его больше несли. Оставалась пустая формальность — наказание, нисколько не отвечающее мере содеянного, просто символ справедливости, надежное свидетельство тому, что правда — понятие не абстрактное.

И он «получил» пять лет. И все пять отбыл. Пб канонам нравоучительных романов его должны были бы проклясть жена и дети. Но нет, жена ждала его — огорченная, с опущенной душой, но слишком поздно было начинать новую жизнь, сначала. И его дети — родные дети — ждали тоже: он был преступник, но не был и отец. Только Машенька не простила.

Он не знал, как смотреть людям в глаза, как разговаривать с женой, как вести себя с детьми.

Много раз он думал наложить на себя руки, но сил не нашлось. Он работает, лечит людей, никто не напоминает ему о прошлом, но в каждом взгляде читается себе приговор. Так и живет...

Но мне он приехал не только потому, чтобы повести свою судьбу, чтобы получить помощь: ему хочется, чтобы старшая дочь сменяла отчество, стала Марией Антоновной, так будет справедливо, этим он хоть как-то, хоть с опозданием вернет ей часть украденного — имя родного отца.

Больше говорить было не о чем, он поднялся, чтобы уйти. Этот человек уже был наказан за свой тяжкий грех, и, значит, он имел законное право на то неслыханное уважение, которое мы оказываем любому, будь он нам трижды неспасибо. К тому же я посылал и более страшных убийц, на их фоне мой содебесник выглядел крошечным и жалким. Но протянуть руку доктору

ЛЮБОВЬ МОЯ, СОФИЯ!

Репортаж
специальных
корреспондентов
«ЛГ»
В. ГОРБУНОВА,
М. ТРАХМАНА

Поэтические голоса

Божидар БОЖИАОВ

Первый красноармеец

Где он, солдат тот, чья погоня
без звездочек — всего родней?
Давным-давно шумят знамена,
и над Болгарией моей

все небо звездами усеяно.
И, автомат сменяя на плуг,
он, может, помнит там, на севере,
как он когда-то шел на юг.

Иль, может, он погиб нелепо
у наших воли, не бросив пост?..
Я помню так его: до неба
он встал во весь свой крупный рост.

Все море в громе и волнении —
свой флот взрывает немчура.
Но он пришел. И в то мгновение
иная расцвела пора.

Она над городом развесила
пальбу и дым — не проходнуть.
Но можно в первый раз так весело,
так широко расправить грудь.

Ведь он со всей своею силою
и в каске с красною звездой
на берегу. И море синее
его приветствует волной.

Он первым встал здесь, сдвинув брови,
он обогнал стальную рать,
он здесь. И больше в луже крови
рабочей кепке не лежать.

Вот он стоит — проста одежда, —
чуть-чуть гордая сам собой...
Нет, не солдат — сама надежда,
свободы символ он живой.

Перевел В. ВИНГРАДОВ

Николай ЗИДАРОВ

Мысли

Мы превратим вас в звук и время
и тракторную борозду,
в счастливую подкову, в стремя,
в хлеба и в яблоки, в звезду
и переволотим в созвездья,
в подземный мрак, в надзвездный лед,
в стальные крылья для возмездья,
в мечту, в ее могучий взлет,
в космическую киноленту,
в лучи из далей мировых,
в один восторг, в одну легенду,
в явь скоростей сверхзвуковых.
Мы в стенописи или в сказаньях
здоровый корень ваш вплели!
Вы, мысли дерзкие, страдавшие
дарили людям всей земли.
Но став резцом, чтоб засверкала
искусства красота во мгле,
чтоб жизнь в борьбе торжествовала,
живите, мысли, на земле.

Перевел Александр ГАТОВ

Андрей GERMANOV

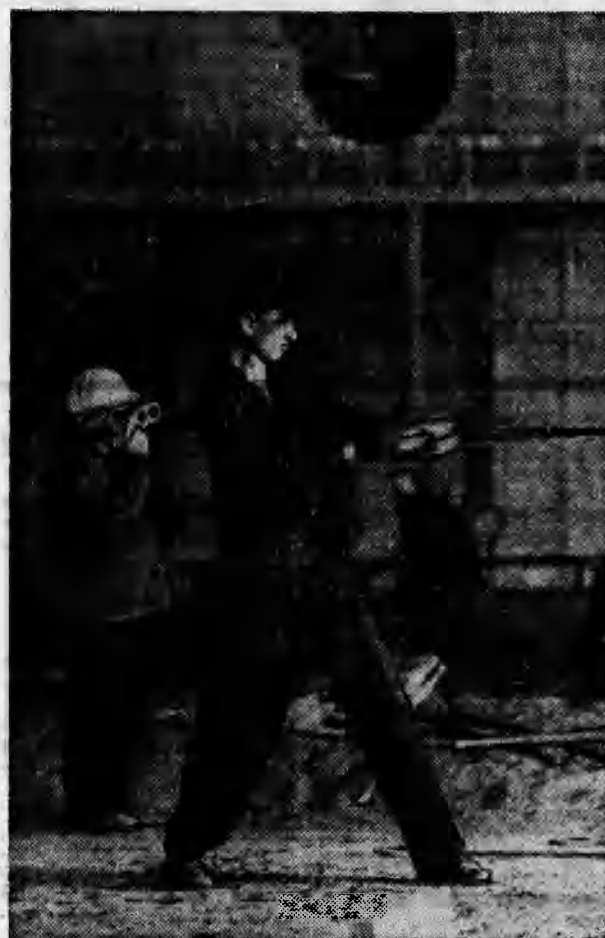
Полдень

На тень наступаю. Полдень.
Солнце спорах в зените.
Холод улыбок. Молодость.
Следы от копыта.
Паленой стерней пахнет.
Осли ушасты, как зайцы...

Но если бы стал я прахом
и вновь мне пришлось родиться,
я б выбрал тебя, земля,
балканского синего кремня!

Там простреленные знамена,
там скачет гневное время,
морщинами нас иссекает
и острей скалы гранит.
Там грустью айва назревает
и повзд далеким басит.
Там птицы слепые в погоне
за горизонтом несутся
и среди древних колонн
кентавры на поле пасутся...

Перевел Петр ВЕТИН

Самолет подлетает к Софии. Проплывает далеко внизу замшевая поверхность Стара-Планины, сверкает серебряная лента реки Искыр, мелькают городские кварталы, и вот уже под колесами бетонная дорожка современного аэродрома.

Для того чтобы разглядеть этот город спокойно, не торопясь, охватить его единым взором, увидеть, так сказать, «с птичьего полета», достаточно взобраться на Витошу. И если повезет, если «фабрика погоды», как называют софийцы эту гору, расщед-

рится на ясное, солнечное утро, красавец город откроется вашим глазам в легком дрожащем мареве... Его прямые проспекты, его новые современные кварталы, его зеленые бульвары...

Мы не раз бывали в Софии. И все в будни. А сегодня — праздник! В праздник даже неоднократно виденное приобретает особый облик, особые краски. Мы спускаемся с Витоши и идем по Софии. Улавливаем ее ритмы. Вспыскиваем в лицах людей, потому что, как бы

ни были красивы здания и площади, все-таки самая главная, самая совершенная красота города — это люди. Мы вслушиваемся в их голоса, всматриваемся в их лица, лица счастливых, уверенных в себе и в своем будущем людей, и, нам кажется, познаем душу новой Софии, города, чей девиз: «Растет, но не стареет», за четверть века народной власти наполнился особенно глубоким смыслом. И мы от всего сердца говорим: Расти, София! С праздником! Счастья тебе, Болгария!

КИСТЬЮ И ПЕРОМ

ПЕРЕД нами книга, где в счастливом единстве слились зримое ощущение художником чужда соизидательной жизни на суровой и прекрасной земле Болгарии и строки поэта, углубленного во внутренний мир человека.

Мастерские акварели Владимира Ветрогонского порой будто давлены от стихов Олега Шестинского — во всяком случае ни тот, ни другой не комментируют

«Сестра наша — Болгария». Рисунки Владимира Ветрогонского. Стихи Олега Шестинского. Издательство «Советский художник», Ленинград.

друг друга. Объединяет авторов иное — восхищение Болгарией, влюбленность в ее немногословный, вольнолюбивый, удивительный души народ.

Солнечные долины Фракии, дымное небо Бургаса, устремленные в облака улицы-террасы Тырнова. Рисунки рассказывают о стране, издавна и кровно связанной с Россией узами братства. А поэт поет песню нынешней Болгарии, свободной, раскованной, находя образы, символизирующие великие перемены.

Невелика эта страна, но до чего же живописна, до чего

разнообразны ее пейзажи! И художник точно передает их оттенки. «Созополь. Рыбачьи лодки» — восход солнца на море, настроение праздничности. А потом мы видим тот же Созополь перед луной — совсем иные небо и море, гораздо более скупые краски. И рядом — строки о возвращении рыбаков:

Вураками глотки лужены,
железна рыбацкая статья...
А жены, рыбацкие жены
всю ночь будут сати латать.

Или «Вечер в Софии». Жирные черные линии фламента-

ра фиксируют огни столицы: на пока еще не остывших от зноя улицах кипит жизнь.

Мне приходилось бывать в Болгарии. И должен сказать: нет картины более впечатляющей, чем та, что открывается при подъеме на Шипкин перевал. Обнажив голову, в задумчивости подолгу стоят здесь люди всех национальностей. Вознесшиеся выше облаков вершины гор окружают их со всех сторон. Гордой верой в силу народа веет с древних холмов, на которых так и остались пушки, поднятые сюда девятьюстами лет назад русскими ополченцами. Эту Ветрогонского «Шипка» исполнен с подчеркнутой сдержанностью: синева-серая

гамма, чуть красноватый отблеск памятника героям на фоне холодного неба. Одинокая ветка в скале усиливает сознание суровой торжественности. Да, такова Шипка — вершина неуязвимой воинской славы. И пусть не ей, а Плевне посвящены стихи Шестинского:

...Полна Орловского поручик,
мой дядя ядром контужен
он полз по этим самым кручам
и брал Османовский редут,

— они заставляют еще глубже ощутить то, что запечатлено художником. Перелистывая последние страницы, смотришь еще раз на черепичную путаницу пловдивских крыш, на пло-

щадь Ленина в Софии, на светлый простор площади 9 Сентября. И хочется повторить вслед за поэтом:

За эти месяцы скупые
простор болгарский полюбя,
я понял, что одна Россия
и у меня, и у тебя.

В лихое время не оставит,
поминать в добрые годы
и выведет и надежной славе,
и не изменит никогда.

Книга В. Ветрогонского и О. Шестинского — удача. Хорошо бы нашим художникам и поэтам почаще «находить друг друга», чтобы вот так — и возвышенно, и просто — рассказывать людям о том, к чему нельзя остаться равнодушным.

Ари. МИНЧОВСКИЙ

